

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.12

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/40-48>

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ

А. Г. Аистов

Волгоградский государственный университет

CURRENT ISSUES IN THE HISTORY OF SELF-REGULATION DEVELOPMENT IN RUSSIA

A. G. Aistov

Volgograd State University

Аннотация: рассмотрены различные позиции ученых-правоведов по вопросу истории саморегулирования в России. Выявлены и проанализированы дискуссионные моменты, которые заключаются в изучении истории российского саморегулирования через призму современной модели саморегулирования, без учета контекста времени исторического периода, без разделения саморегулирования на социальное, экономическое и правовое явление, с установлением равенства между саморегулированием и саморегулируемыми организациями. В частности, на примере Иванской общины и иных артелей купцов XII–XV вв. продемонстрировано, что описанный выше подход приводит к спорной квалификации организаций в качестве прообразов современных саморегулируемых организаций, различному пониманию правовой природы и сущности саморегулирования и, как следствие, противоречивым заключениям об истории саморегулирования в России.

Ключевые слова: саморегулирование, социальное саморегулирование, экономическое саморегулирование, правовое саморегулирование, саморегулируемые организации, правовое регулирование, артель.

Abstract: this article examines various viewpoints of legal scholars regarding the history of self-regulation in Russia. The paper identifies and analyzes the contentious issues in studying the history of Russian self-regulation through the lens of the modern self-regulation model, without considering the historical context of the time period, without distinguishing self-regulation as a social, economic, or legal phenomenon, and by establishing equality between self-regulation and self-regulating organizations. In particular, using the example of the Ivanovo commune and other merchant artels of the 12th–15th centuries, it is demonstrated that the aforementioned approach leads to a controversial classification of these organizations as prototypes of modern self-regulating organizations, differing interpretations of the legal nature and essence of self-regulation, and, consequently, contradictory conclusions about the history of self-regulation in Russia.

Key words: self-regulation, social self-regulation, economic self-regulation, legal self-regulation, self-regulating organizations, legal regulation, artel.

Саморегулирование представляет собой одну из дискуссионных категорий современной российской правовой науки. Многие вопросы недостаточно проработаны, например, нет общего подхода к тому, что понимается под саморегулированием, какова история указанного явления, когда оно возникло, какие конкретные исто-

рические этапы можно выделить, какие примеры можно считать проявлением, развитием или стагнацией саморегулирования и т. д.

По нашему мнению, саморегулирование может рассматриваться в трех различных аспектах, как социальная, экономическая и правовая категория. В зависимости от этого меняется взгляд и на вопросы, связанные с рассматриваемым явлением, в том числе и на его историю.

Нами уже было предложено понятие социального саморегулирования – это способность социальной группы создавать внутри себя порядок, основанный на правилах поведения, общих и единых для всех членов группы, а также способность поддерживать этот порядок, привлекать к ответственности за его нарушения и защищать его от внешних угроз¹.

Считаем необходимым добавить еще два качественных признака, а именно:

- 1) преследование такой социальной группой бессрочной, приоритетной цели;
- 2) отсутствие внешнего управления.

Первый признак является определяющим при разграничении понятий самоорганизации и саморегулирования.

По нашему мнению, самоорганизация в своей сущности – это объединение индивидов в социальную группу для решения конкретной поставленной задачи. Однако в случае если поставленная задача будет сложной, т. е. для ее решения понадобятся специальные знания и навыки, большое количество ресурсов, много времени и т. п., то самоорганизация может обрасти всеми признаками, которые присущи саморегулированию, кроме одного – бессрочной, приоритетной цели.

В рамках самоорганизации, после выполнения поставленной задачи или задач, если их несколько, развившаяся в ходе этого процесса система упраздняется.

Второй признак является значимым при разграничении саморегулирования и государственного регулирования, так как саморегулирование в качестве социального явления предполагает отсутствие отношений власти и подчинения. Регулирование осуществляется самостоятельно и исходит изнутри социальной группы.

П. В. Крючкова указывает, что в экономической практике под саморегулированием понимается коллективное регулирование определенных рынков и сфер самими экономическими агентами, без вмешательства государства².

Понятие саморегулирования как правовой категории отражено в положениях Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморе-

гулируемых организациях». Под саморегулированием понимается самостоятельная и инициативная деятельность, которая осуществляется субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности и содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил указанной деятельности, а также контроль за соблюдением требований указанных стандартов и правил, а саморегулируемыми организациями признаются некоммерческие организации, созданные в целях, предусмотренных указанным федеральным законом и другими федеральными законами, основанные на членстве, объединяющие субъектов предпринимательской деятельности исходя из единства отрасли производства товаров (работ, услуг) или рынка производственных товаров (работ, услуг) либо объединяющие субъектов профессиональной деятельности определенного вида³.

Таким образом, современный законодатель Российской Федерации установил правовое понятие саморегулирования и форму его осуществления посредством саморегулируемых организаций.

Проанализируем взгляды ученых в области юриспруденции на историю саморегулирования в России.

Так, М. В. Саудаханов обращается к истории Древнего Рима, в котором получили свое начало коллективные образования некоммерческого характера, отмечая, что правовые основы статуса некоммерческих организаций, известные римским ученым, были реципированы и трансформированы в современное законодательство европейских государств, а для российского гражданского права указанная категория является относительно новой.

По мнению исследователя, параллели между некоммерческими организациями современной России можно провести с земскими учреждениями царской России, которые являлись первыми некоммерческими организациями в истории Отечества.

Деление всех юридических лиц на коммерческие и некоммерческие впервые было проведено с принятием 31 мая 1991 г. Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик, а с момента принятия Гражданского кодекса Российской Федерации начался новый этап раз-

¹ См.: Аистов А. Г. Саморегулирование : сущность и соотношение с государственным регулированием // Пролог: журнал о праве. 2024. № 3. С. 17–23.

² См.: Крючкова П. В. Саморегулирование как дискретная институциональная альтернатива регулирования рынков : дис.... д-ра экон. наук. М., 2006. 282 с.

³ См.: О саморегулируемых организациях : федер. закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ (в ред. от 02.07.2021).

вития некоммерческих организаций, в том числе саморегулируемых организаций.

М. В. Саудаханов указывает, что еще до принятия специального закона, посвященного саморегулируемым организациям, такие организации уже существовали на практике, например Российский союз автостраховщиков⁴.

А. Ф. Алгазина отмечает, что отличительной чертой российского саморегулирования является трансформация модели добровольного саморегулирования в смешанную модель, сочетающую в себе как добровольное, так и обязательное саморегулирование.

Для признания каких-либо организаций прототипом современных саморегулируемых организаций А. Ф. Алгазина в качестве основного критерия использует цель их создания: регулирование деятельности субъектов профессиональной деятельности и наличие соответствующих данной цели полномочий.

Так, по мнению ученого, уже в XII–XV вв. на Руси можно отследить элементы саморегулирования при создании артелей, из которых наиболее влиятельной была Иванская община при церкви Иоанна Предтечи на Опоках, представлявшая собой объединение оптовых торговцев воском в Новгороде. Основными целями деятельности этой общины, по мнению А. Ф. Алгазиной, являлись защита общих интересов, товарищеское регулирование и поощрение торговли. Порядок управления Иванской общиной определялся уставом. Членами общины могли стать только те торговцы, которые уплатили вступительный взнос.

Автор обращается к трудам А. А. Бессолицына, который отмечает, что в Новгороде существовали десятки таких купеческих артелей, как Иванская община, отличающихся в основном реализуемыми товарами и территорией сбыта⁵.

Таким образом, исследователь приходит к выводу, что первые корпоративные объединения, образованные по инициативе самих торговцев, обнаруживаются уже в период феодальной раздробленности Руси.

Относительно развития торговли и ремесел в Московской Руси исследователь отмечает, что

⁴ См.: Саудаханов М. В. Становление и генезис института саморегулирования в российской правовой системе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 4. С. 330–334.

⁵ См.: Бессолицын А. А. История российского предпринимательства. М.: Маркет ДС, 2008. 245 с.

в данный период значительной была роль государства в развитии предпринимательства, в связи с чем оно не получило особого развития в контексте рассматриваемого вопроса.

16 января 1721 г. Петром I был издан регламент Главного магистрата, в соответствии с которым все городское население, за исключением иностранцев, дворян, духовенства и «подлых людей», разделялось на две гильдии. Первую гильдию составляли знатные купцы, банкиры, городские доктора и прочие, а вторую – низший класс городского населения, включая ремесленников.

Указом Петра I от 27 апреля 1722 г. было запрещено заниматься ремеслом без записи в цехах там, где они были организованы.

Таким образом, Петр I стал основоположником цеховой формы организации ремесленников в истории России, которую, по мнению ученого, можно рассматривать в качестве прообраза модели обязательного саморегулирования.

Следующий этап развития саморегулирования ученый связывает с учреждением адвокатуры, которая самостоятельно разрабатывала приемы адвокатской техники и правила адвокатской этики по причине отсутствия в России каких-либо традиций адвокатской деятельности.

Касательно советского периода истории России автор указывает, что, несмотря на фактическое отсутствие саморегулирования профессиональной деятельности, имели место примеры осуществления публичных полномочий субъектами, не входящими в систему органов государственной власти, например советскими профсоюзами с момента принятия постановления ЦИК и СНК РСФСР от 23 июня 1933 г.⁶

С. Б. Третьякова в своем диссертационном исследовании указывает на два основных периода формирования института саморегулирования в России – дореволюционный (с XII в. по 1917 г.) и современный (с 1993 г. по настоящее время).

Первый период включает в себя три этапа: «доправовой», «раннеправовой» и период правовой регламентации механизмов саморегулирования.

«Доправовой» период длился с XII в. по XVII в. В это время шло формирование «прообразов» саморегулируемых организаций в форме артелей купцов (торговцев), артелей пло-

⁶ См.: Алгазина А. Ф. История возникновения и развития саморегулирования в России // Правоприменение. 2017. Т. 1, № 3. С. 90–99.

щадных подъячих (корпорации профессиональных писцов).

Как указывает автор, проведенные учеными исследования свидетельствовали о том, что российские купцы вели торги не за общий счет, но признавали общую организацию торговли, связанную с распределением общих расходов и несением солидарной ответственности перед третьими лицами. Таким образом, исследователь делает вывод о публичном характере деятельности артелей, стоящих на страже общего интереса торговцев и потребителей, их товаров, работ, услуг, составлявших в то время основную массу населения. Российское государство в XII–XV вв. не основывалось на началах формирования гражданского общества и реализации демократических принципов, а преследовало в основном цель защиты своих собственных государственных интересов, которые не всегда совпадали с общественными. Потому выявлением и охраной публичных интересов в сфере торговли, в том числе отстаиванием позиций справедливости и нравственности, занимались артели, которые можно считать прообразом современных саморегулируемых организаций.

Основными предпосылками возникновения на этом этапе таких субъектов права, по мнению автора, являлись потребности в упорядочивании общественных отношений в не урегулированной правом сфере, что было продиктовано частными интересами торговцев и иных хозяйственных субъектов, желавших получать прибыль, а также общественным (публичным) интересом, который состоял в необходимости обеспечения регулируемого потребительского рынка товаров, работ и услуг.

«Раннеправовой» период длился с XVII в. по первую половину XIX в. и характеризовался частичной законодательной регламентацией саморегулирования, устанавливая правовое положение бирж, их контрольно-регулятивные функции и др. Так же в этот период происходит развитие организационно-правовых форм, частично отвечающих характеристикам современных саморегулируемых организаций в виде биржевых комитетов и биржевых обществ, картелей, трестов, синдикатов и др.

Период правовой регламентации механизмов саморегулирования длился со второй половины XIX в. по 1917 г. и характеризовался унификацией основных идей и правил саморегулирования, которые были выработаны в предыду-

щие этапы, посредством принятия Таможенного устава 1892 г., Судебного устава 1864 г., и др. На основании этого автором сделан вывод о том, что российские саморегулируемые организации именно на этом этапе из социального явления перешли в явление социально-правовое, сформированное исторически из «добровольной необходимости» соблюдать так же добровольно сформированные регуляторы общественных отношений, которые, по сути, есть конгломерат публичных и частных интересов.

В советский период, по мнению ученого, развитие саморегулирования остановилось, так как оно воспринималось как качество самоуправления, которое, в свою очередь, рассматривалось как самоуправленческий потенциал государства⁷.

Исходя из представленных выше точек зрения можно прийти к выводу, что авторы рассматривают историю саморегулирования в России через призму той правовой конструкции, которую установил современный законодатель, при этом в ряде случаев вычленяя из нее какой-либо из аспектов и возводя его в категорию главного признака саморегулирования. Также стоит отметить, что авторы занимаются поисками прообразов современных саморегулируемых организаций на различных этапах истории России, т. е. ставят знак равенства между саморегулируемыми организациями и саморегулированием.

Такой подход, на наш взгляд, имеет ряд существенных недостатков в связи с нижеследующим.

Так, М. В. Саудаханов связывает зарождение саморегулирования с появлением некоммерческих организаций, а главным критерием, который позволяет рассматривать организацию в качестве саморегулируемой, считает ее некоммерческий характер.

Исходя из этого следуют два вывода: 1) любая коммерческая организация не может быть квалифицирована в качестве саморегулируемой; 2) саморегулируемая организация является одной из форм некоммерческих организаций по своей правовой природе.

В силу того что автор обращается к опыту зарубежных стран по вопросу истории саморегулирования в России, необходимо обратить внимание на опыт США.

⁷ См.: Третьякова С. Б. Саморегулируемые организации как субъекты российского права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 200 с.

В США саморегулируемыми организациями могут быть как коммерческие организации, так и некоммерческие⁸ ввиду того, что это не имеет определяющего значения для саморегулирования, так как главная отличительная характеристика и одновременно задача правового саморегулирования – регулирование определенных отраслей экономики и профессиональной деятельности без государственного управления посредством разработки и внедрения правил поведения, в том числе не имеющих аналогов в законодательстве.

Безусловно, в случае с некоммерческими саморегулируемыми организациями разработка и внедрение стандартов и правил предпринимательской и профессиональной деятельности – основная цель их создания и деятельности, в то время как для коммерческих саморегулируемых организаций такой целью является извлечение прибыли, в связи с чем можно поставить вопрос о конфликте интересов, однако такой же вопрос можно поставить и в отношении некоммерческих организаций.

Некоммерческие саморегулируемые организации с добровольным членством осуществляют рассматриваемую деятельность в основном для получения большей прибыли и преимуществ на рынке ее членами по отношению к тем экономическим субъектам, которые таким статусом не обладают.

В отношении саморегулируемых некоммерческих организаций с обязательным членством описанная ситуация сохраняется, только конкуренция уже осуществляется внутри самой организации⁹.

Описанная ситуация в США обладает аналогичной актуальностью в контексте действующего законодательства Российской Федерации, так как членами саморегулируемой организации не могут быть субъекты, представляющие интересы потребителей. Когда саморегулируемая организация объединяет в себе только субъектов предпринимательской деятельности либо представителей определенной профессии, то на первый план выходит вопрос прибыли, причем для каждого из участников в отдельности.

⁸ См.: Кепов В. А., Ткачев П. А. Обзор зарубежного опыта развития саморегулируемых организаций // Вестник С.-Петербург. ун-та Гос. противопожарной службы МЧС России. 2011. № 3. С. 79–84.

⁹ См.: Воронец А. С. Саморегулирование в США // Век Качества 2010. № 2. С. 11.

В случае с коммерческой саморегулируемой организацией, на примере США, возможность такого конфликта интересов ниже, чем у некоммерческих, так как отсутствует иллюзия, что субъекты такой организации объединились не для получения прибыли или иных преимуществ на рынке, а исключительно в порыве альтруизма. В коммерческой саморегулируемой организации все стараются действовать как единое целое для получения общей прибыли, а инициатива осуществлять качественное регулирование гораздо выше, так как оно напрямую будет влиять на прибыль всех участников.

Более того, именно коммерческие организации в подавляющем большинстве внесли огромный вклад в развитие экономических отраслей государств всего мира в процессе осуществления социального и экономического саморегулирования. Ярким примером этого является Голландская Ост-Индская компания, которая первая в мире выпустила акции, разработала механизм дивидендов, основала биржу, на которой помимо товаров началась торговля ценностями бумагами и т. д., т. е. стала не только создателем множества новых экономических отраслей, но и сама разработала, внедрила и обеспечила исполнение правил поведения для их регулирования, которые в последующем были облачены в правовую форму и стали регулироваться государством¹⁰.

Таким образом, саморегулируемые организации по своей правовой природе не обязательно являются разновидностью некоммерческих организаций, а сам некоммерческий характер не является определяющим признаком, по которому возможно квалифицировать организацию в качестве саморегулируемой.

А. Ф. Алгазина, основываясь на том, что главным признаком саморегулируемой организации является цель ее создания, а именно: регулирование деятельности субъектов профессиональной деятельности и наличие соответствующих данной цели полномочий, – отнесла к таким организациям Иванскую общину при церкви Иоанна Предтечи на Опоках.

В 1127 г. князем Всеволодом Мстиславичем была заложена церковь Иоанна Предтечи на Опоках. Вокруг этой церкви произошло объединение богатейших купцов, которые вели опто-

¹⁰ См.: Hourly History. The Dutch East India Company : a History From Beginning to End (The East India Companies). CreateSpace independent Publishing Platform, 2017. 42 р.

вую торговлю воском не только с другими русскими княжествами, но и с иностранными государствами. Именоваться они стали Иванской общиной или «Иваньское сто». Основными целями объединения в первую очередь были извлечение прибыли и защита купеческой собственности. Торговля в Средние века была очень рискованным занятием, потому что торговые пути, и сухопутные, и морские, проходили по территориим феодалов, которые часто совершали набеги на торговые караваны и суда, не говоря уже о набегах разбойников. Вооруженная охрана требовала огромных вложений, и далеко не каждый купец по отдельности мог себе ее позволить, более того, она должна была быть достаточно боеспособной, чтобы сопроводить груз и доставить оплату обратно. «Иваньское сто» заключало и исполняло договора, в том числе международные, а также устанавливала правила организации и деятельности внутри своей купеческой корпорации¹¹.

Вскоре после этого «Иваньскому сто» Князь Новгородский Всеволод Мстиславич даровал Устав. Согласно последнему, «Иваньское сто» получало монопольное право взвешивать и измерять не только весь воск, но и ряд других товаров, ввозимых на территорию Новгорода, и получать за это пошлину, участвовать в Совете Новгородской республики, осуществлять правосудие в торговом суде, членам общины предоставлялись льготы при найме вооруженной охраны для сопровождения товаров, а статус полноправного члена – «пошлый» купец – передавался по наследству. Основными обязанностями, которые князь возложил на «Иваньское сто», были содержание церкви Иоанна Предтечи на Опоках и ее духовенства, а также отчисление трети пошлины в городскую казну.

Таким образом, «Иваньское сто» до получения Устава от князя Всеволода Мстиславича являлось коммерческой организацией, а ее основными целями деятельности были извлечение прибыли и защита купеческой собственности. После получения Устава «Иваньское сто» получило публичную власть в виде сбора пошлин и отправления правосудия, а также частичное внешнее управление в виде тысячного старо-

сты во главе¹² наряду с выборными старостами из членов купеческой гильдии, что сделало ее смешанной корпорацией, совмещающей в себе признаки коммерческой организации и органа государственной власти.

Следовательно, рассматриваемая организация является противоположностью современных саморегулируемых организаций в Российской Федерации, а значит, не является их прообразом, как полагает А. Ф. Алгазина, так как цель ее создания исследователем определена неверно.

Сложно согласиться и с позицией С. Б. Третьяковой, которая считает артели купцов прообразом современных саморегулируемых организаций.

Так, в контексте исследования купеческих артелей С. В. Пахман называл артель «юридическим союзом, с которым несколько лиц соединяют свои личные силы, а иногда и имущественные средства, с целью извлечения из данного предприятия общей прибыли»¹³.

Профессор Э. Р. Верден в основу определения артели положил цель ее создания. Артель – «союз тружеников, соединившихся для известного производства или хозяйственного оборота»¹⁴.

Исходя из этого как минимум дискуссионными, а на наш взгляд, ошибочными являются утверждения о том, что артели купцов вели торг не за общий счет, но признавали общую организацию торговли, связанную с распределением общих расходов и несением солидарной ответственности перед третьими лицами и, соответственно, служат прообразами современных саморегулируемых организаций. Так же спорными являются и основные предпосылки возникновения указанных субъектов права, выделенные ученым.

По нашему мнению, такая организация торговли не имеет под собой экономического смысла. Вести торговлю не за общий счет, но распределять при этом общие расходы и нести солидарную ответственность перед третьими лицами в контексте Средних веков начиная с

¹² См.: Тихомиров Н. М. О купеческих и ремесленных объединениях в Древней Руси (XI–XV века) // Вопросы истории. 1945. № 1. С. 22–33.

¹³ Пахман С. В. Обычное гражданское право в России (юридические очерки). СПб., 1877. Т. 1. 250 с.

¹⁴ Курс политической экономии / сост. Э. Вреден. 2-е изд., перераб. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1880. XV. 596 с.

¹¹ См.: Андреев В. Ф. Северный страж Руси : очерки истории средневекового Новгорода. 2-е изд., доп. и перераб. Л. : Лениздат, 1989. 192 с.

XII в. – прямой путь в самые низшие сословия того времени.

Наиболее существенной ошибкой М. В. Саудаханова, А. Ф. Алгазиной и С. Б. Третьяковой в вопросе истории саморегулирования в России, на наш взгляд, является попытка перенести современную конструкцию саморегулируемых организаций на прошлые периоды истории России без учета их контекста.

Например, когда мы размышляем об артелях XII–XV вв., необходимо понимать, что впервые этот термин встречается в актах во второй половине XVII в. До того подобная форма, как ее называет А. А. Исаев, «форма общения», называлась складчиной, ватагой, дружиной, братчиной¹⁵.

В юридической науке отсутствует единый подход к правовому содержанию понятия «артель». Н. В. Калачев¹⁶, Ф. А. Щербина¹⁷ и др. определяли «артель» по-разному в зависимости от точки зрения исследователя и выбранной им темы.

Однако единый подход к пониманию рассматриваемого понятия имеется у его источника – русского народа.

Необходимо понимать, что рассматриваемый период был периодом феодальной раздробленности Руси. Всё население делилось на сословия, абсолютное большинство из которых составляли низшие слои общества, беднейшие ремесленники, крестьяне, холопы и челядь. Ремесло находилось только в процессе отделения от земледелия, последнее было главной экономической отраслью всех раздробленных княжеств. Крестьяне, овладевшие сложным ремеслом, могли скорее и легче вырваться из феодальной зависимости уходом (или бегством) в города. Наиболее востребованным ремеслом являлась обработка металлов, что обусловливалось постоянными междуусобными войнами и противостоянием иностранным захватчикам, в том числе нашествию монголо-татарского ига¹⁸.

Исходя из описанных условий простому народу необходимо было объединяться, чтобы в

первую очередь выжить, а во вторую – решать поставленные задачи и создать возможность улучшить свое положение в сословном обществе.

Объединение людей для решения какой-либо общей задачи в простонародье стало называться «артель» либо «было артельно», т. е. «людно», «народно»¹⁹. Объединение происходило по любому поводу: собрать урожай, организовать праздник, сходить на охоту, разобрать обломки корабля после кораблекрушения и т. д.

Фактически артель являлась формой самоорганизации нашего общества в период с XII по XV в. В артели в основном объединялись низшие слои населения и преследовали обыденные, житейские цели.

Купцы и ремесленники объединялись в артели для аккумулирования своих ресурсов и получения общей прибыли, обеспечения выживания всех своих членов с перспективой перехода в высшие ступени сословной иерархии²⁰. Таким образом, артели купцов и ремесленников были коммерческими организациями, преследующими хозяйствственные цели.

Исходя из этого основными предпосылками появления артелей купцов явились не потребности в упорядочивании общественных отношений в неурегулированной правом сфере, как полагает С. Б. Третьякова, а простая жизненная необходимость обеспечить выживание себе и своей семье, объединить труд и капитал для ведения совместной хозяйственной деятельности, создать возможность для улучшения своего положения в сословном обществе и не потерять того, что уже имеешь, чтобы не спуститься вниз по сословной лестнице. Ни о каком регулировании общественных отношений при создании артелей купцов и речи не было.

Таким образом, артели купцов периода XII–XV вв. не являются прообразами современных саморегулируемых организаций, так как в настоящее время они все создаются и действуют для выполнения конкретной цели по разработке стандартов и правил предпринимательской и профессиональной деятельности, а в тот период артели купцов создавались для решения задач, описанных выше. Регулирование общественных отношений если и имело место, то в крайне редких и конкретных случаях, так как правила по-

¹⁵ См.: Исаев А. А. Русская самобытность и артель. Артели в России // Неделя. 1881. № 24. С. 806.

¹⁶ См.: Калачев Н. В. Артели в древней и нынешней России // Современник. 1864. № 104. Отд. II. С. 198.

¹⁷ См.: Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1880. 382 с.

¹⁸ См.: Рыбаков Б. А. История СССР с древнейших времен до конца XVIII века. М. : Высш. шк., 1975. 419 с.

¹⁹ См.: Новиков И. А. «Артель» : этимология слова и термин в русском дореволюционном законодательстве // Вестник Томского гос. ун-та. 2009. № 327. С. 83–85.

²⁰ См.: Исаев А. А. Указ. соч.

ведения вырабатывались практикой торговли и содержались, как правило, в умах, а не на бумаге.

Еще одним недостатком позиций М. В. Саудаханова, А. Ф. Алгазиной и С. Б. Третьяковой в вопросе истории саморегулирования в России является отсутствие разделения саморегулирования на социальное, экономическое и правовое.

Три указанные категории имеют свои существенные отличия, и, например, рассматриваемые выше артели, в частности купцов и ремесленников, являлись саморегулируемыми организациями с точки зрения социального саморегулирования, так как отвечали всем его квалифицирующим признакам. «Иваньское сто» могло бы претендовать на роль саморегулируемой организации с позиций не только социального, но и экономического саморегулирования, если бы правила регулирования экономической отрасли указанный артель выработал и реализовал сам, с последующим признанием этих правил другими участниками экономического оборота, однако они были установлены государством.

Стоит отметить позицию С. Б. Третьяковой, которая указывает, что выделяемые автором саморегулируемые организации на этапе своей правовой регламентации перешли из социального явления в социально-правовое, однако не раскрывает содержания социального саморегулирования и не указывает на его отличительные признаки от правового саморегулирования.

Также недостатком рассматриваемых позиций авторов является отождествление саморегулирования и саморегулируемых организаций. Саморегулирование как социальное явление имеет внешнюю форму выражения не только в организациях, но и в общепризнанных правилах осуществления профессиональной деятельности, которые устанавливают базовые принципы ее осуществления и трансформируются одновременно с развитием той или иной профессии. Примерами таких правил является «клятва Гиппократа»²¹, «Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики)» А. Ф. Кони²² и т. д.

²¹ См.: Мелик-Гайказян И. В., Мещерякова Т. В. Клятва Гиппократа : трансформация семантики и возрождение прагматики // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2015. Т. 9, № 1. С. 35–44.

²² См.: Традиции адвокатской этики : избранные труды российских и французских адвокатов (XIX – начало XX в.). СПб., 2004. 370 с.

Подводя итог всему сказанному выше, можно сделать вывод, что изучать историю саморегулирования в России необходимо, опираясь на контекст рассматриваемых исторических периодов, во всех формах его проявления, а не ограничиваясь только прообразами саморегулируемых организаций, с разделением саморегулирования на социальное, экономическое и правовое явление.

Библиографический список

Аистов А. Г. Саморегулирование : сущность и соотношение с государственным регулированием // Пролог : журнал о праве. 2024. № 3. С. 17–23.

Алгазина А. Ф. История возникновения и развития саморегулирования в России // Правоприменение. 2017. Т. 1, № 3. С. 90–99.

Андреев В. Ф. Северный страж Руси : очерки истории средневекового Новгорода. 2-е изд., доп. и перераб. Л. : Лениздат, 1989. 192 с.

Бессолицын А. А. История российского предпринимательства. М. : Маркет ДС, 2008. 245 с.

Воронец А. С. Саморегулирование в США // Век качества. 2010. № 2. С. 11.

Исаев А. А. Русская самобытность и артель. Артели в России // Неделя. 1881. № 24. С. 806.

Калачев Н. В. Артели в древней и нынешней России // Современник. 1864. № 104. Отд. II. С. 198.

Кепов В. А., Ткачев П. А. Обзор зарубежного опыта развития саморегулируемых организаций // Вестник С.-Петербург. ун-та гос. противопожарной службы МЧС России. 2011. № 3. С. 79–84.

Крючкова П. В. Саморегулирование как дискретная институциональная альтернатива регулирования рынков : дис.... д-ра экон. наук. М., 2006. 282 с.

Курс политической экономии / сост. Э. Вреден. 2-е изд., перераб. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1880. XV. 596 с.

Мелик-Гайказян И. В., Мещерякова Т. В. Клятва Гиппократа : трансформация семантики и возрождение прагматики // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2015. Т. 9, № 1. С. 35–44.

Новиков И. А. «Артель» : этимология слова и термин в русском дореволюционном законодательстве // Вестник Томского гос. ун-та. 2009. № 327. С. 83–85.

Пахман С. В. Обычное гражданское право в России (юридические очерки). СПб., 1877. Т. 1. 250 с.

Рыбаков Б. А. История СССР с древнейших времен до конца XVIII века. М. : Выш. шк., 1975. 419 с.

Саудаханов М. В. Становление и генезис института саморегулирования в российской правовой системе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 4. С. 330–334.

Третьякова С. Б. Саморегулируемые организации как субъекты российского права : дис.... канд. юрид. наук. М., 2012. 200 с.

Тихомиров Н. М. О купеческих и ремесленных объединениях в Древней Руси (XI–XV века) // Вопросы истории. 1945. № 1. С. 22–33.

Традиции адвокатской этики : избранные труды российских и французских адвокатов (XIX – начало XX в.). СПб., 2004. 370 с.

Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1880. 382 с.

Hourly History. The Dutch East India Company : a History From Beginning to End (The East India Companies). CreateSpace independent Publishing Platform, 2017. 42 p.

References

Aistov A. G. Self-regulation : the essence and correlation with state regulation // Prologue : Journal of Law. 2024. No. 3. P. 17–23.

Algazina A. F. The history of the emergence and development of self-regulation in Russia // Law enforcement. 2017. Vol. 1, No. 3. P. 90–99.

Andreev V. F. The Northern Guardian of Russia : Essays on the History of Medieval Novgorod. 2nd edition, expanded and revised. Leningrad : Lenizdat, 1989. 192 p.

Bessolitsyn A. A. History of Russian Entrepreneurship. M. : Market DS, 2008. 245 p.

Voronets A. S. Self-Regulation in the USA // The Century of Quality. 2010. No. 2. P. 11.

Isaev A. A. Russian Identity and Artel. Artels in Russia // Week. 1881. No. 24. P. 806.

Kalachev N. V. Artels in Ancient and Modern Russia // Sovremennik. 1864. No. 104. Part II. P. 198.

Kepov V. A., Tkachev P. A. Overview of Foreign Experience in the Development of Self-Regulatory Organizations // Bulletin of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia. 2011. No. 3. P. 79–84.

Kryuchkova P. V. Self-regulation as a discrete institutional alternative to market regulation : dr. economical sci. dis. Moscow, 2006. 282 p.

The course of political economy / comp. E. Harmful. 2nd ed., reprint of St. Petersburg : M. M. Stasyulevich's Type, 1880. XV. 596 p.

Melik-Gaykazyan I. V., Meshcheryakova T. V. The Hippocratic Oath : Transformation of Semantics and Revival of Pragmatics // Scholae. Philosophical Antiquity Studies and the Classical Tradition. 2015. Vol. 9, No. 1. P. 35–44.

Novikov I. A. «Artel» : the Etymology of the Word and the Term in Russian Pre-Revolutionary Legislation // Bulletin of Tomsk State University. 2009. No. 327. P. 83–85.

Pakhman S. V. Customary Civil Law in Russia (Legal Essays). St. Petersburg, 1877. Vol. 1. 250 p.

Rybakov B. A. History of the USSR from Ancient Times to the End of the 18th Century. Moscow : Vysshaya Shkola, 1975. 419 p.

Saudakhanov M. V. Formation and Genesis of the Institution of Self-Regulation in the Russian Legal System // Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences. 2013. No. 4. P. 330–334.

Tretyakova S. B. Self-regulating organizations as subjects of Russian law : cand. legal sci. dis. Moscow, 2012. 200 p.

Tikhomirov N. M. On merchant and craft associations in Ancient Russia (XI–XV centuries) // Questions of History. 1945. No. 1. P. 22–33.

Traditions of Advocacy Ethics: Selected Works of Russian and French Lawyers (19th – Early 20th Centuries). St. Petersburg, 2004. 370 p.

Shcherbina F. A. Essays on South Russian Artels and Community Artels. Odessa, 1880. 382 p.

Hourly History. The Dutch East India Company : a History From Beginning to End (The East India Companies). CreateSpace independent Publishing Platform, 2017. 42 p.

Волгоградский государственный университет

Аистов А. Г., аспирант кафедры конституционного и муниципального права

E-mail: aistovandrey@mail.ru

Поступила в редакцию: 24.01.2025

Для цитирования:

Аистов А. Г. Актуальные проблемы истории развития саморегулирования в России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 40–48. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/40-48>

Volgograd State University

Aistov A. G., Post-graduate Student of the Department of Constitutional and Municipal Law

E-mail: aistovandrey@mail.ru

Received: 24.01.2025

For citation:

Aistov A. G. Current issues in the history of self-regulation development in Russia // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 3 (62). P. 40–48. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/40-48>